

В. Е. Фомин

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО: ОБЪЕКТИВАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Материал посвящен малоисследованной проблеме в истории русской философии – ее метафизическому основанию – национальному духу. Национальный дух рассматривается как духовное основания бытия народа, его мировоззрения, национального самосознания, впитавшее в себя всю глубину сверхэмпирической данности, определяющей единство нации. Феномен философской активности в России XIX – начала XX веков рассматривается как результат оформления нации, обладающей сильным духовным основанием своего бытия.

Иррациональные чувствования национального духа присутствуют в философском наследии интеллектуальной элиты России XIX – начала XX веков и в контексте авторского прочтения осмысливаются средствами категориально-понятийного аппарата рациональной философии.

Сам процесс рационализации иррациональных чувствований и интуиций, присущих русской философской мысли, осмысливается как необходимый этап объективации национального духа и оформления русского национального философского дискурса.

V. Fomin

RATIONALIZATION OF THE IRRATIONAL: THE NATIONAL SPIRIT OBJECTIFICATION IN THE RUSSIAN PHILOSOPHY

The material of the article is devoted to the problem that is insufficiently researched in the Russian philosophy – its metaphysical foundation – the national spirit. The national spirit is considered as a spiritual foundation of the nation's existence, its world outlook and national consciousness. It contains deep empirical reality, which denotes national unity. The phenomenon of the Russian philosophical activity in the 19th century and the beginning of the 20th century is considered as a result of the nation's shaping, which in its turn has a deep spiritual foundation of its existence.

Irrational feelings of the national spirit can be found in the philosophical heritage of Russian intellectual elite of the 19th century and the beginning of the 20th century. Moreover, they are understood by means of the rational philosophy in the context of the author's interpretation.

Actually, the process of rationalization of the irrational feelings and intuitions, which are typical of the Russian philosophy, is interpreted as a very important stage of the spirit objectification and formation of the Russian philosophical discourse.

Обращение к проблеме оснований русской религиозной философии есть не столько историко-философское рассмотрение прошлого отечественной мысли, сколько стремление к осмыслению возможных путей развития русской самобытной философии сегодня. В этом усматривается ключ к решению задачи метафизического самопознания России на уровне духа.

В современных историко-философских исследованиях, посвященных отечественной философской мысли, утвердилось клише иррациональности русской мысли XIX — начала XX веков. Возможно, здесь сказывается эйфория от осознания феномена самобытности русской философии. Но деление на рациональное как чуждое отечественной религиозно-философской мысли и иррациональное, отличающее русскую философию от всего остального, будет несколько некорректно.

Русская философская мысль удивительным образом сочетает в себе особенность рационализировать иррационально постигаемые феномены и одновременно с тем иррационально-интуитивно приходит к рационально мыслимым положениям, доказывая или опровергая их. Здесь нет никакого противоречия, за исключением диалектического. И подобного рода диалектика есть не что иное, как интенция национального духа, лежащего в основе русского способа философствования.

При таком подходе закономерен взгляд на русскую философию сквозь призму национального духа — метафизического основания бытия народа, его мировоззрения, национального самосознания, впитавшего в себя всю глубину сверхэмпирической данности, определяющей единство нации. В данном случае понятие «основание» берется в общепhilosophическом смысле, означающем необходимое условие бытия чего-либо.

Под интенциональностью национального духа нами предлагается понимать самоактуализирующееся свойство быть целью осознания, предметной направленно-

стью на самопостижение в форме национального самосознания, постигающего предельные, императивные основы национального бытия. Можно сказать, что в русской религиозной философии в качестве основной интенции выступает национальный дух как метафизическая реальность. При этом происходит проявление национального духа, как эмпирико-феноменологической данности, или осуществляется гуманитарно-элитарная рефлексия этнологической эмпирики как действительности национального духа.

Все это придает русской мысли некое своеобразие, которое состоит не в самобытной разработке исконных философских тем и проблем, чего, по мнению одного из критиков самостоятельности русской философии П. А. Сапронова, «в ней как раз было меньше всего», а в *направленности* на свою проблематику и тематику¹. Принимая западную философию как «ступень» к развитию собственной мысли «любомудрия русского», интенциональность русского национального духа выступает коррелятом содержания *понятий и категорий*.

Наметившаяся тенденция решения проблемы метафизики национального духа в современных отечественных философских исследованиях побуждает обращаться к наследию русской религиозной философии, чаще рассматривать ее как воплощение творческой активности самоактуализирующегося национального духа. Рационально-критическая рефлексия, как и иррационально-интуитивные прозрения интеллектуальной элиты нации, в свою очередь, не только объективирует национальный дух, но и вырабатывает теоретический идеал национально-духовной самоидентификации общества.

Динамизм и мощь одностороннего научно-технического прогресса, о скрытой опасности которого писали П. Е. Астафьев, Н. А. Бердяев, многие другие отечественные и зарубежные мыслители (Х. Ортега-и-Гассет, например), тупики узкоспециализированного научного знания, агрес-

сия стихийного классового сознания приводят к позитивистско-сциентистской позиции отечественной философской мысли середины – второй половины XX века. Разрешение проблемы национального духа как основания русской религиозной философии, на наш взгляд, способствует обращению к традиционной для русского любомудрия позиции анализа целостного, абсолютного, вечного, идеального бытия. В этой связи отметим, что аксиологическое значение национального духа не только раскрывается в русской философии, но и способствует формированию национально значимых ориентиров духовной жизни общества.

Стоит добавить, что политико-идеологические спекуляции понятиями «национальность», «патриотизм», «национальная (русская) идея» сигнализируют об утрате или забвении традиции русского философского подхода к пониманию категории «национальное». Выявление национально-духовных начал русской религиозной философии поспособствует осмыслению феномена национальности категориями метафизики духа. Духовная проработка традиционных истоков, поиск диалектически совершенных методологических способов творческого созидания *национального* и *национальной идеи* невозможны без метафизического понимания, характерного для русской философии.

Поиск национально-духовных оснований русской религиозной философии актуализируется и неокончательной разрешенностью вопроса соотношения русской самобытной философии с иными философскими системами, которые М. О. Гершензон образно называет «иноземными доктринами»², и обретением русской религиозной мыслью статуса национальной философии. В этой связи весьма актуально звучат идеи представителей екатеринбургской школы истории русской философии, рассматривающей российские версии марксизма, например, как неотъемлемую составляющую русской философской мысли³.

При таком подходе в поставленной проблеме проявляются собственно историко-философский, научный, идеологический, мировоззренческий, аксиологический и морально-этический аспекты.

Ведущим понятием, определяющим общую направленность наших исследований, становится понятие *национальный дух*, под которым понимается *выражающееся в национальном мирозерцании и национальном самосознании вне-рационально постигаемое «идеальное национальное Я», нематериально, сверхэмпирически, на метафизическом уровне организующее этнос-народ-нацию*. В аналитическом исследовании русской философии национальный дух выступает как *сверхчувственное начало жизнедеятельности народа, достигшего определенного уровня социокультурного развития, отражающееся в его мировоззренческих принципах и определяющее своеобразие этносоциокультурного бытия на всем протяжении этносоциогенеза*. Предложенное определение понятия «национальный дух» не претендует на универсальность, а существует в контексте органических целей и задач исследования иррациональных характеристик и основания русской философии, выражая существенные черты интересующего нас явления.

До сего дня вынесенная в заголовок тема в представленном виденье проблем национального духа как основания русской религиозной философии XIX–XX веков не была предметом специального исследования историков отечественной философии. В то же время, теоретическое чувство необходимости осознания национального духа явно присутствует в смысловом поле современной философии. При этом понятие «национальный дух» до сих пор не является общепринятым философским термином. Вероятно, как категория русской религиозной философии, этот термин не успел сформироваться окончательно в XIX – начале XX веков. Но все подвижки к этому явлению просматриваются в отечественной философской литературе. В русской философии в разное время и в различных

контекстах представление о национальном духе формировалось в первую очередь под воздействием идей И. Г. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, В. фон Гумбольдта, заложивших основы метафизики национального духа как особой области философского знания. Н. А. Бердяев отмечал, что в метафизике духа Гердер первый говорит о национальном духе, начиная поиск источника духа в историческом; у Гердера «Дух Божий делается имманентным натуральному человеку»⁴.

Русская религиозная философия в процессе своего оформления, безусловно, попадает под обаяние немецкой философии и среди прочих категорий воспринимает категорию «дух народа», наполняя ее собственным смысловым содержанием. Со свойственной русской философии особенностью — образностью, категории «дух народа», как и собственно «национальный дух», между которыми часто не делалось различия, использовались А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, Вл. С. Соловьевым, Н. Я. Данилевским, П. Е. Астафьевым, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, Г. Г. Шпетом, И. А. Ильиным.

Оперируя понятием «дух народа», они вплотную подходят к постижению проблемы национального духа как основополагающего фактора становления русской самобытной философии. Однако только П. Е. Астафьев в полемике с Вл. С. Соловьевым делает попытку формулировать понятие «национальный дух», принимая во внимание те философские образы, которые более всего соответствуют формируемому понятию⁵.

Образы-понятия «народный дух», «дух народа», «русский дух», «русская душа», «народный характер», используемые в качестве синонимов, интуитивно воспринимаются в русской религиозной метафизике как основания национального мировосприятия и часто, по сути своей, в контексте изложения отвечают требованиям понятия «национальный дух». Но, кроме статьи П. Е. Астафьева «Национальность и общечеловеческие задачи», исследований, посвященных национальному духу как ос-

нованию русской философии, среди богатого литературно-философского наследия отечественной мысли XIX — первой половины XX веков в процессе исследования источников обнаружено не было. Несколько особняком стоит статья Г. Г. Шпета «Введение в этническую психологию», где автор, анализируя зарубежные источники XIX века, приходит к философско-психологическому пониманию категории «дух народа»⁶. Чаще всего мы имеем дело с эмпирико-феноменологической рефлексией национального духа как категории культурно-исторической. Особо показательны в этом работы Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и особенно Г. П. Федотова, обращавшегося к соотечественникам с призывом осваивать богатое наследие предков, не утратить свой «духовный лик».

Национально-духовные основания русской религиозной философии отмечаются и в историко-философских исследованиях Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, Г. П. Флоровского, С. А. Левицкого. Так, Н. О. Лосский, в письме к Т. С. Франк, вдове философа, от 4.V.51 г. пишет о своей «History of Russian Philosophy», которая, по мнению автора, вместе с книгой В. В. Зеньковского «будет доказательством того, что русская философия, как и вся русская культура...ветвь европейской культуры, — и, конечно с национальным отпечатком. И философия Семена Людвиговича [Франка] — живое свидетельство этой истине»⁷.

Прерванная в XX веке традиция русской религиозной философии нашла свое продолжение в конце XX века, большей частью в историко-философских исследованиях. Духовное наследие русских религиозных философов является предметом внимания многих российских историков философии.

Изучение русской религиозной философии уже имеет свою историю. Можно с уверенностью заявлять о существовании целого направления — историографии русской философии. Отметим, что в современной историко-философской науке имеются своеобразные школы по изучению духов-

ного опыта русской религиозно-философской мысли⁸.

Как считает А. В. Иванов, историк философии попадает под индивидуальный пресс и духовное обаяние гения, тексты которого изучает⁹. В таком подходе можно проследить органический путь трансляции сущностных характеристик русской философии ее современным исследователям. Ярким примером тому служат работы С. С. Хоружего. Следует отметить, что если проблема национального духа как основания русской религиозной философии не рассматривалась в комплексе, то различные стороны и проявления национального духа неоднократно подвергались философской рефлексии как в XIX — начале XX веков, так и в современных исследованиях.

В обширном наследии отечественной философской мысли можно обнаружить множественные обращения к проблеме национального духа. На протяжении XIX-XX веков смысловое содержание предлагаемого понятия «национальный дух» практически не меняется. От национального духа — *образа*, русская философия переходит к национальному духу — *понятию*, фактически подготовив почву для национального духа — *категории*. В этом процессе перехода *образ — понятие — категория* нет методологического противоречия. Но отмечавшаяся ранее особенность отечественной философской традиции — образность, т. е. введение образа вместо понятия или категории, проявляет себя и в отношении понимания национального духа. В философском наследии нельзя отметить строгости в отношении термина, обозначающего понятие (категорию) «национальный дух». Предтеча славянофильства, князь В. Ф. Одоевский, предваряя рассуждения о том, что «девятнадцатый век принадлежит России», писал о «глубине русского духа»¹⁰, не акцентируя того, что это есть дух национальный. Для А. С. Хомякова «цельность народного духа» есть «жизненная сила», имеющая многовековую историю¹¹. К одной из центральных

фигур в славянофильстве А. С. Хомякову уже в XIX веке складывается отношение как к «драгоценнейшему творению русской мысли, или, по словам И. С. Аксакова, творению «русского верующего духа»¹². В оценке А. С. Хомякова, данной И. С. Аксаковым, уже содержится совмещение понятий «русская мысль» и «русский дух», центром пересечения которых становится наиболее яркий выразитель и того, и другого. В философско-психологических работах П. Е. Астафьева содержится понимание духа народа уже как «национального духа», недоступного «никогда полному, совершенно точному подражанию» тем, кто им не проникнут. Для Астафьева постижение национального духа возможно через полную духовную деятельность самосознающего существа, через воззрение человека на мир, себя и свое отношение к миру, иными словами, через целостность мировоззрения¹³. П. Е. Астафьев, уделявший пристальное внимание проблеме *национального* в философском, обращает особое внимание на творчество своих современников, затрагивающих эту проблематику, и особо выделяет Вл. С. Соловьева, признававшего в «философском мирозерцании действие «как личного, так и национального духа»¹⁴. Эта мысль Соловьева может быть перенесена не только в анализ философии как творчества, но и быть учтенной в рассмотрении Вл. Соловьевым творчества как такового. Оценивая наследие нашего национального литературного гения, Вл. Соловьев заметил, что «поэзия Пушкина, взятая в целом (ибо нужно мерить «доброю мерою»), приносила и приносит большую пользу, потому что совершенная красота ее формы усиливает действие того духа, который в ней воплощается, а дух этот — живой, благой, возвышенный»¹⁵.

Вполне вероятно, что Соловьев имел в виду национальный дух, а точнее ту часть духа народа, которую В. Г. Белинский назвал субстанцией национальности, или тем непреходимым [в духе народа], «которое само не изменяясь, выдерживает все из-

менения, целостно и неврединно проходя через все фазисы исторического развития... Зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития»¹⁶. В фундаментальном труде «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский, развивая теорию культурно-исторических типов, под национальным духом подразумевает и «особый психический строй, характеризующий каждую народность» и собственно «народный дух». Рассматривая же исторические особенности важнейших моментов развития русского народа, Данилевский выделяет «общенародный русский элемент», судя по всему совпадающий с субстанцией национальности В. Г. Белинского¹⁷. Некоторый субстанциальный носитель допускает и Г. Г. Шпет, когда пишет о переходе «от едничного духа к духу народа»¹⁸.

На внутреннее содержание образа-понятия «национальный дух» безусловное влияние оказывает и направленность философских взглядов или интенция личного духа мыслителя. Для С. Н. Булгакова, стоявшего на философско-богословских позициях, развивавшего идеи философии всеединства, проявлявшего интерес «к христианскому социализму, к проблеме действительного и жизненного христианства»¹⁹, мыслящего в рамках категорий и понятий христианской метафизики, «национальный дух» есть *логос* национального чувства, которое, «как и всякое глубокое чувство, не довольствуется инстинктивным самосознанием, но ищет своего логоса»²⁰.

То, что Булгаков назвал логосом национального чувства, у И. А. Ильина именуется законом человеческой природы и культуры, «в силу которого все великое ... и все гениальное рождается именно в лоне *национального опыта, духа и уклада*». Для Ильина связь национального и философского, личного и абсолютного выражается в формуле: «Мой путь к духу есть путь моей Родины». При этом под Родиной он понимает «дух народа во всех его проявлениях и сознаниях»²¹. Из всех исторических концепций, рассматривавших национальный дух

как категорию и менее всего заботящихся о терминологической чистоте, на первое место выходит Русская идея Н. А. Бердяева. Для Бердяева русский дух есть глубина национального бытия, абсолютный дух России и даже русская стихия, требующая «оформляющего и светоносящего логоса»²². Но Бердяев удивительным образом выдерживает контекст так, что у читателя не возникает сомнения в подлинном значении выражения «таинственная стихийность», самым автором мыслимая как форма проявления национального духа. Как отмечает В. И. Полищук, «трудно не заметить, что XIX век находится в каком-то особом отношении к русскому духу»²³, но что такое этот русский дух, современные исследователи, как правило, не уточняют. Традиция образности в современной русской мысли проявляется в полной мере в понимании национального духа. А. А. Корольков, в работе которого не обнаруживается разница между русской духовной философией и философией русского духа, пишет, что «русская философия выразила особенность своего национального духа, ... ибо уяснила нераздельность разума и чувства, более всего посвятила себя темам любви, правды, духовного подвига»²⁴. В таком понимании наблюдается не столько образ, сколько настрой или отношение.

В связи с осознанием роли национального духа в процессе становления русской философии выявляются и методологические ориентиры к ее более глубокому изучению. Цель — в поиске эмпирически явленных и феноменологически определяемых проявлений творческой активности национального духа как необходимых условий становления-оформления-развития национальной философии России — русской религиозной философии. В этом смысле метафизическая реальность — национальный дух, обнаруживает себя в форме самоактуализации, объективируясь в результатах рационализации иррациональных образов в философской рефлексии отечественных мыслителей.

Оформление русской философии как самостоятельного, или национального, направления с собственными приоритетами, методами и гносеологическими установками можно связать и с динамикой становления *национального самосознания* как результата творческой активности национального духа. В *становлении-развитии-оформлении* русской религиозной философии национальный дух, качественно раскрывающийся в самосознании русского народа, выступает иррациональным основанием и необходимым условием генезиса отечественной философской мысли.

Русская философия выступает как практически-теоретическая сфера объективации национального духа, творчески проявляющего себя как рационализация иррационального в интеллектуальной деятельности элиты нации. Не являясь объектом, национальный дух объективируется в эмпирической данности, раскрываясь в субъекте познания — философе, оставаясь творящим субъектом. Представители русской религиозно-философской мысли затрагивали вопрос о духовных основаниях национального бытия в духовно-практических формах освоения социальной действительности, средствами рациональной философии отражая метафизический уровень активности национального духа.

В аналитическом прочтении, в ряде работ А. С. Хомякова, Вл. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и их современников, нами выявлена интенция национального духа как основание направленности философской деятельности, интуитивно осознаваемое и реализуемое в общей направленности мысли. Интенциональность национального духа в философских конструкциях русских мыслителей обусловлена метафизическим своеобразием императивных основ национального бытия, эмпирически выраженных в национально-культурных традициях и иррационально-интуитивно внесенных в философские сочинения в виде образов. Подтверждение тому — учение о Софии.

И, наконец, главный вывод наших исследований заключается в том, что понятие «национальный дух» может являться полноценной категорией современной русской философии, продолжающей традицию русской религиозно-философской мысли. Категория *национальный дух* оперирует схожими по смысловому значению образами — понятиями, отражающими его как *основание* сверхэмпирического единства нации и национальных форм теоретически оформленного мировоззрения, становящегося русской философией в процессе рационализации иррациональных прозрений и образов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сапронов П. А. Русская философия. Опыт типологической характеристики. — СПб.: «Церковь и культура», 2000. — С. 179.

² Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. — М., 1990. — С. 85.

³ См.: Любутин К. Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. — 2003. — № 9. — С. 76–91; Емельянов Б. В. Три века русской философии: Русская философия XX века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003; Емельянов Б. В., Любутин К. Н., Русаков В. М., Саранчин Ю. К. История русской философии: Учеб. пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2005.

⁴ Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. — М.: Новости (АПН), 1994. — С. 376.

⁵ Астафьев П. Е. К спору с г-ном Вл. Соловьевым // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. — М.: Москва, 2000; Соловьев В. С. Самосознание или самодовольство? /

Национальный вопрос в России. Вып. II // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. — Т. 1. — М.: Правда, 1989. — С. 592–593.

⁶ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. — М.: Правда, 1989.

⁷ Лосский Н. О. Письмо Т. С. Франк от 4.V.51 // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 г. — СПб.: Алетейя, 1997. — С. 273–274.

⁸ Стало принято говорить о московской, петербургской и екатеринбургской школах исследования истории отечественной философии. Называются наиболее видные представители московской школы (А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. В. Гулыга, А. В. Иванов, В. А. Кувакин, М. А. Маслин и другие), петербургской школы (Н. Ф. Галактионов, А. А. Ермичев, А. Ф. Замалева, А. А. Никандров, А. И. Новиков и другие), и екатеринбургской (Б. В. Емельянов, В. И. Копалов, К. Н. Любутин и другие). Основательность и концептуальность историко-философского анализа круга проблем русской философской мысли в исследованиях ведущих специалистов означенных центров российской философии имманентно обуславливает присутствие в их работах метафизического основания — национального духа.

⁹ Иванов А. В. Уровни русского самосознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. — 1993. — № 6. — С. 60.

¹⁰ Одоевский В. Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. — С. 148–149.

¹¹ Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. — Т. 1. — М., 1878. — С. 92.

¹² Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев: биографический очерк // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. — М.: Современник, 1981. — С. 321.

¹³ Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. — М.: Москва, 2000. — С. 35.

¹⁴ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Вып. I // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. — Т. 1. — М.: Правда, 1989. — С. 130.

¹⁵ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1988. — С. 304.

¹⁶ Белинский В. Г. Россия до Петра Великого // Русская идея. — М.: Республика, 1992. — С. 74.

¹⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — С. 133, 191, 197.

¹⁸ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. — С. 488, 530.

¹⁹ Архипов Е. А. Воспоминания. Цит. по: Акулинин В. Н. Философия всеединства. От В. Соловьева к П. А. Флоренскому. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 28.

²⁰ Булгаков С. Н. Размышление о национальности // Булгаков С. Н. Христианский социализм. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — С. 180.

²¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. — Т. 1. — М.: Русская книга, 1996. — С. 196, 200, 207.

²² Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Избранные произведения. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — С. 31–32.

²³ Полищук В. И. Судороги и томления русского духа // Русская философия и духовная культура современности: Тезисы к республиканской научно-теоретической конференции. Кн. 2. — Иркутск: ИГПИИЯ, 1991. — С. 43.

²⁴ Корольков А. А. Русская духовная философия. — СПб.: РХГИ, 1998. — С. 50.